

В. К. Мамонтов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУРЫ С ИСТРЕБИТЕЛЕМ

События в Ливии с небывалой силой подвигли думающих людей к простому и безотлагательному размышлению: что в мире есть вообще, кроме больших денег, нефтяных интересов и борьбы за власть?

Не знаю, как подступиться к теме диалога культур в связи с этим. Как бы мы ни относились к Каддафи, он, безусловно, является культурным феноменом. Красавец-офицер, окруженный телохранительницами-девственницами, туарег в одеждах, расшитых бисером, раскидывающий свой шатер в Кремле... Это же фильм, сказка, фэнтези! Наконец, состарившийся диктатор, упрямо цепляющийся за власть и культуру в его понимании: за культуру победы и суверенности; за культуру личной власти; за культуру вождизма и «зеленых книг». Да, там племенное устройство, но чем оно отличается от корпоративных отношений в нефтяной корпорации? Да, внутри страны наблюдается угнетение народа. Но кто без греха? Да, есть счета в западных банках, но ведь это лишний раз доказывает, что националиста в пестрых одеждах терпели, ненавидели, поощряли, вели диалог...

И наконец, современные конкистадоры, улучив момент, высадились. И горе индейцам, инкам и ацтекам с их примитивной культурой, включавшей, увы, людоедство: их будут отучать есть людей самым радикальным способом: их убьют — и они не смогут есть людей. Мертвые не едят.

А главное — у них заберут золото. Золото земли, на которой они родились. Она нужнее тем, кто «цивилизованнее» их. Кто грабит, вооружившись Смитом, не только Вессоном, но и Адамом. В его кармане — томик Сэлинджера, его маркировка — Венера Тициана. Он читал «Маугли», видел «Солярис», слушал Перголези и Бритни Спирс. В этом «прелестном» диалоге культур веками ничего не меняется: те, кто устанавливает стандарты, делают так, чтобы вы в них не вписались, а потом ограбят и железным гребнем причешут не хуже «Севильского цирюльника».

СМИ в таких «диалогах» в последнее время играют все более зловещую роль. Они рисуют картину, абсолютно далекую от реальности. Они ведут информационную войну, то есть лгут. Причем в интересах одной стороны, которая по тем или иным причинам должна победить для начала в общественном мнении. На примере той же Ливии мы видим, как выдуманные бомбардировки Бенгази стали поводом к реальным бомбежкам и атакам с воздуха. Причем силы не равны: да, у индейцев есть ружья, но старые и немного. Но дело даже не в этом: Каддафи проиграл прежде всего в информационной войне, он ничего не смог доказать мировому глобальному

сообществу, СМИ которого слаженно проповедуют борьбу с диктатурой и защиту демократии.

В сущности, на наших глазах происходит «восстановление исторической справедливости», как ее понимают «отцы» западной цивилизации: ресурсы должны принадлежать не дикарям, а цивилизованным людоедам, которые сумеют скрыть свое людоедство, украсить его бисером не хуже бурнусов Каддафи: для этого у них есть медиа.

Журналисты, пытавшиеся соблюдать кодекс чести, оказались в меньшинстве. 99 % снимающих и пишущих толклись в Египте на площади Тахрир, чтобы снять услужливо написанные по-английски транспаранты. И только несколько журналистов отправились в опасное путешествие по 18-миллионному Каиру, который, в отличие от многотысячной площади, молчал, запирает двери и не хотел никаких революций, никаких потрясений. Их репортажи — слово правды, но они были в исчезающем меньшинстве. Эта правда никому не нужна. Почти никому.

Западный мир, произведший на свет миллионы артефактов, шедевров литературы и искусства, небесных путеводителей сознания и гуманистических катехизисов жизнеустройства, ведет себя как последний разбойник. И если мультикультурность ему мешает, он легко объявляет ее исчерпанной, отбрасывает, как скорлупу, и прагматически оглядывается, где бы еще утолить жажду и голод, чем подкормить своих «зверей»: философов и актеров, жрецов и песнопевцев, неисчислимый офисный планктон, гигантские управляющие компании, алчных финансистов и жадных производителей ненужных товаров и услуг, которые навязываются человечеству путем изощренной моды, рекламы и других способов, заставляющих безостановочно гнаться за призраками.

«На всех рассчитано не было!» — так отвечает Запад мигрантам. Так отвечает Китаю, смертельно его боясь. Не вижу оснований думать, что он приготовил что-то внушающее оптимизм и для нас.

Параллельно с Ливией развиваются события в Японии — это, похоже, один из последних редутов самобытности, который пока держится. Его не уютят с воздуха, но особую, жизнестойкую и своеобразную культуру страны подвергает испытаниям все то же глобальное «чудовище» — оно принимало облик бомбардировок Хиросимы, он приняло облик атомного цунами. Именно гонка за глобальными стандартами возвела в безнефтяной и безгазовой Японии десятки АЭС, заложив грандиозную цивилизационную мину.

Мне доводилось уже писать о своем визите к престарелому руководителю крупной японской корпорации. Мы ели из черных лакированных плошек цветы хризантем, рис, жарили мясо на чугунной жаровне. И я имел глупость сказать, что телевизор

¹ Президент ОАО «Редакция газеты «Известия». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?». Член комиссии Общественной палаты РФ по науке и инновациям; по сохранению и развитию отечественной культуры; по вопросам развития гражданского общества.

его фирмы безотказно работает у меня уже десять лет. Понятно, что нормальному магнату, который заинтересован в том, чтобы люди купили побольше его скоропортящихся товаров, такое не понравится. Но... Я и тогда думал, что японцы — особенные люди. Даже капиталисты. Они должны были обрадоваться, услышав такое заявление, поскольку им нравятся истинные ценности. Дедушка отложил палочки, улыбка сползла с его лица. «Это самое плохое сообщение, которое я услышал за последние десять лет», — сказал он.

Надо сказать, что вокруг нас, кушавших рис, стояло человек десять разных менеджеров, помощников, переводчик, секретарей, готовых подсказать дедушке цифру, если забудет (их загадочные визитки с иероглифами до сих пор хранятся у меня). Все эти люди засыпали, словно их поразило громом. Дедушка держал паузу, сохраняя убитый вид. Я перестал жевать хозяйскую герань, мои акции на токийской бирже упали до нуля.

И тут глава корпорации засмеялся. Он пошутил. И вся его рать, облегченно выдохнув, тоже принялась смеяться. Кто — повизгивая, кто — деликатно прикрывая рот ладошкой.

Японцы — люди, и ничто человеческое им не чуждо. В паузах, нюансах и деталях этой истории можно разглядеть национальные черты, как мне кажется, но наглядно видны и общие — глобалистские и местные. Виден капиталист, но одновременно и ремесленник, который начинал свое дело в электромастерских. Что мой телевизор — работают старенькие «девайсы» первой трети прошлого века, которые он собирал!

Любуюсь японцами, как иероглифами: не понятны, но завораживают. На них надвигается в значительной степени чужой им мир, а они сдают «клочки» своей самобытности только в жесткий обмен на место в глобальном будущем, да еще и перекраивают это будущее под себя — где и сколько могут.

При этом я абсолютно уверен: когда премьер Японии с экрана телевизора говорил о том, что ситуация находится под контролем, он не знал, действительно ли это так. Он знал одно: говорить надо, что под контролем. Потому что она, возможно, под контролем в действительности, и у японских чиновников больше оснований говорить так, чем у наших в схожей ситуации. (А, может, и нет, никто не знает, чем ответит вулкан.)

Но миллионы соотечественников, подобно дедушкиным подданным вокруг обеденного стола, ждут именно его знака, именно его слов, именно таких слов. И рефлексиируют соответственно, а именно: с облегчением покупают маски, послушно залезают под столы, где опасности меньше, пьют йод. Трепещут в душе. Но им задана модель поведения: над нашей родиной дым. В нашем муравейнике настали тяжелые времена. Не обещаю ничего, кроме крови, пота и слез. Сплотимся. Без паники.

Они и не паникуют. Разве что в душе. Но этого нельзя показывать.

Почему нельзя? Уже иностранцы уезжают из Токио пачками, значит, не верят премьеру? Он что-то говорит, а ядерные стержни уже обнажились, испарив воду Японского моря, и рванул водород, и пыльная туча зависла над Фукусимой. Что же ты врешь, премьер, что ты можешь знать? Ты не предвидел цунами, ты даже точного числа жертв не знаешь! «Под контролем...» Ты еще скажи: «С экипажем поддерживается устойчивая связь посредством перестукивания». Может, нам еще и на первомайскую демонстрацию как ни в чем не бывало выйти? Ты просто выдаешь страшную правду дозированно, словно радиацию, которая разом убьет. По частям она тоже смертельна, но это будет позже.

Думают ли японцы о словах премьера, как это описано в предыдущем абзаце, который лично мне дался подозрительно легко? Что-то подсказывает, что именно так они и думают. Но ведут себя не в соответствии с тем, что ядерным реактором раскаляется в их душе, как и в любой человеческой, а в соответствии с целостностью их собственной защитной оболочки, которая и есть их культура.

Они, такие особые и отдельные, фактически оказываются сейчас на глазах целого мира хранителями всеобщей великой тайны и последнего умения: они верят, что правила достойного поведения спасительны (между прочим, мы еще недавно умели так жить, и наши спасатели-чернобыльцы — великий тому пример). А выплеснутые наружу боль, страх, унижение, отчаяние и раздражение губительны. Так, укрощенный «ядерный джинн» дает доброе и ласковое электричество, а вырвавшийся — несет грубую и неумолимую смерть.

Эти правила в остальном мире давно окрестили лицемерием. Какая нравственная оболочка? Она не нужна, как непрозрачные пакетики для пива: чего ханжить?

Без достойной (ханжеской) оболочки остается у нас и во всем мире не только пиво, непристойные журналы, устная неподцензурная речь. В разряд лицемерия, к примеру, занесена большая семья: кто в самом деле любит кучу сопливых и вечно орущих детей? Все любят, чтобы легкомысленно и бездетно. Неспешная и трудовая карьера; надо умудриться получить все и сразу — и такая цель оправдывает любые средства. Никто не любит более дипломатию — всем нравится WikiLeaks. Кажется, все весело хотят жить ядерной глупостью, вулканической жадностью и радиационным глумом наружу — и перестать того стесняться, а объявить нормой, долгожданным избавлением ото лжи и лицемерия. От той самой защитной оболочки, которая так помогает сейчас японцам и даже вызывает в нас полузабытое чувство ознобной зависти, когда видишь их, строим отправляющихся чинить реактор и попрощавшихся с родней.

Господин японский премьер, у которого все под контролем, хотите знать, что у меня на душе, когда я вижу вас на экране телевизора, который работает до сих пор, будь он неладен? Вы читали «Пир во время чумы» великого русского поэта Пушкина? Ах, не читали? Так почитайте — будет диалог культур! Я пе-

речитываю, и каждая строчка мне нравится! «И бездны мрачной на краю...»; «Не жди, пока зараза минет!» Кто говорил, что атомные электростанции защищены от любого землетрясения? Кто уверял, что новые технологии исключают опасность? Что говоришь? Извините?

Нет, брат. Не маловато ли? Где же хакакири, которое тоже примета японской культуры? Нам вроде это не свойственно. Мы в подобных случаях режем по живому. С небывалой силой сами сметаем с лица Земли страну, которая допустила Чернобыль. Не глядя на то, что она наша и больше нам жить негде. Мы с гибельным восторгом выворачиваем ее и себя наизнанку, вместе с проклятой атомной станцией вытряхиваем в космическую пустоту, над которой читает свои завораживающие стихи пушкинский герой, саркофаг с целой цивилизацией вместе с Твардовским, Гагариным, Шолоховым, Королевым и Курчатовым — чтобы мерзкому Чернобылю больше негде было угнездиться.

Японцы же кланяются, вздыхают, горюют, мою мыльную водой, посыпают борной кислотой — и по кирпичику восстанавливают шаткую постройку, перенесшую их Чернобыль. Бедствие еще и не вполне случилось, может, случится, может, еще худшее обойдет стороной, но его последствия уже устраняются. Японцы не рушат, а, как муравьи, укрепляют страну, прискорбно допустившую Чернобыль, поскольку это их страна. Она несовершенна, тоталитарна, раздвижные стены ее домов картонные, она проиграла войну, она еще вчера была феодальной и однажды вырезала миллиона два китайцев — но больше им жить негде.

К счастью для вечно трясущегося на груди старухи-Земли «ожерелья» этих островов, японцы еще не перешагнули на ту выдающуюся ступень развития, когда становится не важно, где и как жить. Может, потому что в отличие от Ливии на их территории нет нефти. А значит, откладывается и «диалог культур».